

Е.И. АЛЕЩЕНКО, Ю.Г. ФАТЕЕВА
(Волгоград)

КОНЦЕПТ «СМЕРТЬ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ВРАЧА: ТРАДИЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Рассматривается представление о смерти, сформировавшееся в русской культуре. На его базе анализируется видение смерти врачами, отразившееся в художественных произведениях, авторами которых являются медики. Анализируются средства вербализации концепта «смерть» в литературе и фольклоре.

Ключевые слова: *концепт, национальная языковая картина мира, лингвокультурологический подход.*

Одним из ключевых понятий человеческого существования является смерть. Попытки осмыслить это явление привели к появлению различных его интерпретаций и толкований. Например, «Словарь русского языка» отмечает, что существует смерть биологическая («прекращение жизнедеятельности организма и гибель его») и смерть как «прекращение существования человека, животного» [15, т. 4, с. 152]. Аналогичное определение смерти приведено в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: «1. Смерть – может быть рассматриваема как прекращение жизнедеятельности организма и как прекращение жизнедеятельности клеток, его составляющих, и, наконец, как исчезновение из современной фауны целого вида. Таким образом, мы должны отличать: С. индивидуальную, С. тканей организма и С. вида. С. индивидуальная есть прекращение функций, общих для всего организма, но отдельные элементы его могут еще сохранять жизнедеятельность долгое время» [3, с. 398]. Медицинский словарь дает более конкретизированное, а значит, развернутое определение: смерть – это «прекращение жизненных функций. Диагноз смерти ставится на основании полного прекращения сердцебиения. Смерть мозга (brain death) определяется по полному прекращению функции центров ствола головного мозга, которые контролируют дыхательный, зрачковый, а также некоторые другие жизненно важные рефлексы» [2, т. 2, с. 268]. Таким образом, различные по своему назначению словари схо-

дятся в одном: ключевым словом, характеризующим данное понятие, является слово «прекращение», «остановка» в сочетании с определениями «необратимое», «полное», такое, после которого нет ничего или есть нечто неизвестное. Анализ смыслового содержания концепта «смерть», предпринятый А.А. Осиповой по данным русских словарей периода до XIX в. и XIX–XX вв., позволил выявить следующие лексико-семантические варианты слова *смерть*: 1) «процесс прекращения жизнедеятельности и переход из одного состояния в другое»; 2) «смертная казнь»; 3) «конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности; гибель, уничтожение чего-либо»; 4) «очень, в высшей степени, чрезвычайно»; 5) «плохо, нехорошо; горе, беда»; 6) «мор, моровая язва»; 7) «погибель»; 8) «умирание» и др. На наш взгляд, к сфере рассматриваемого нами понятия относятся смыслы (1), (2), (7) и (8), остальные же являются результатом семантической специализации (2), метафоризации (4) и иных переосмыслений. Минимальное содержательное ядро концепта определяется А.А. Осиповой как *прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия* [12, с. 10].

Смерть представляет собой логическое завершение человеческой жизни. В системе ценностей культуры смерть занимает полярное положение относительно рождения, определяя границы существования человека. При этом «начало-конец и смерть неразрывно связаны с возможностью понять жизненную реальность как нечто осмысленное. Трагическое противоречие между бесконечностью жизни как таковой и конечностью человеческой жизни есть лишь частное проявление более глубокого противоречия между лежащим вне категорий жизни и смерти генетическим кодом и индивидуальным бытием организма» [11, с. 418]. Смерть живого существа многомерна: физическая смерть (гибель тела), интеллектуальная смерть (гибель мозга), социальная смерть (прекращение общественных отношений) и т. д.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что смерть – одно из ключевых понятий русской языковой картины мира [9, с. 128]. Несомненно, подобное утверждение применимо к любой культуре и языковой картине мира каждого народа. Еще мыслители древности интересовались феноменом взаимосвязи жизни и смерти. Отметим еще одну

особенность восприятия смерти: «В сознании современного индивида смерть перестает принадлежать естественному порядку вещей, воспринимается как своего рода “агрессия” извне, которая не зависит от самого человека и которую совершенная медицина, способная победить болезни, и совершенное общество, способное уничтожить войны и преступность, лишат права на существование» [21]. И так, в сознании человека смерть таинственна и враждебна по отношению к нему, эта таинственность вызывает страх, именно этим объясняются табуированность феномена смерти и эвфемизация как ведущий прием его вербализации. Существование множества эвфемистических обозначений смерти объясняется особым отношением к слову древнего человека, который полагал, что все произнесенное может стать реальностью. Отсюда запрет «именования» смерти, своеобразная защита от ее призыва. Такое отношение типично для человеческого сознания, ведь, «избегая аналитического и вдумчивого разговора о смерти, публичный дискурс впитывает как губка любые упоминания о трагических исходах как событиях, притягивающих внимание и увлекающих аудиторию. О смерти не хочется говорить, но невозможно и пройти мимо, не остановившись и не взглядываясь украдкой в произошедшее» [13, с. 109].

Закономерными представляются попытки образной интерпретации смерти и ее противоположности – жизни, например через метафору пути, усиленную фигурой буквализации, ср.: «Смерть тише рождения. Может, поэтому нам кажется, что она и сильнее рождения? <...> Иногда думается, что жизнь – это *этап*. Причем в буквальном смысле – для кого всего лишь *Москва – Наро-Фоминск*, а для кого и *в кандалах пешим ходом до бескрайних просторов Сибири*. Мы не помним своего рождения. Мы не будем помнить своей смерти» [17, с. 6]. Образы смерти могут быть сгруппированы в две системы:

1. Метафорические мотивационные системы, в частности:

- 1.1. Смерть как конец жизненного пути.
- 1.2. Смерть как сон.
- 1.3. Смерть как антропоморфное существо (приходящее к человеку, уводящее его за собой и т. д.).
- 1.4. Смерть в виде животного, птицы.
- 1.5. Смерть как угасание огня.
- 1.6. Смерть как переход (в мир иной, в рай, ад, Гадес и др.).
- 1.7. Смерть человека как смерть растения.

1.7. Смерть человека как смерть животного.

2. Метонимические мотивационные системы, в частности:

2.1. Остановка дыхания → смерть.

2.2. Остановка сердцебиения → смерть.

2.3. Приобщение к типовым атрибутам смерти (каковыми являются морг, гроб, могила, кладбище и т. д.).

В различных типах дискурса смерть может быть представлена в образе животного или птицы [10, с. 386–388], однако гораздо чаще смерть предстает как антропоморфное существо (см. мотивационный ряд 1.3), здесь можно выделить несколько ключевых топосов: описание внешности, места постоянного обитания, деятельности. Так, в славянской мифологии смерть чаще всего – это старая женщина с большими зубами, костлявыми руками и ногами, с провалившимся носом, в белом саване, с заступом, граблями, пилой и косой за плечами. Инструменты нужны ей не столько для устрашения, сколько для «профессиональной» деятельности: так, пилой она отпиливает умирающему человеку руки и ноги, а косой отделяет от тела голову.

По другим версиям, коса смерти обработана ядом, и смерть человека вызывается попаданием на него одной из ядовитых капель. В русской народной сказке «Солдат и смерть» говорится: «Вдруг повстречалась с ним старуха, такая худая да страшная, несет полную котомочку ножей, да пил, да разных топориков, а косой подпирается» [14, с. 446]. В западноевропейской традиции наиболее распространенным изображением смерти является существо в черном плаще с капюшоном и с косой в руках. По мнению историков, такая визуальная форма смерти появилась после вспышки чумы в Германии в XIV в. [5]. В изобразительном искусстве смерть с косой впервые появилась в работах Дюрера в 1513 г. на гравюре «Рыцарь, смерть и дьявол». С тех пор коса стала обязательным атрибутом смерти, своеобразным отличительным знаком [Там же].

Примечательно, что образ Смерти в произведениях современных писателей опирается не только на славянские традиции, но и мировые. Например, А. Ульянов, автор «Записок санитаря морга», так описывает этот персонаж:

На пороге отделения стояла худощавая поджарая старушка, невысокая, с коротко остриженными кудрявыми волосами, выкрашенными в ядовитый рыжий цвет, не встречающийся в естественной природе. Ее выразительное скуластое лицо, с большим

высоким лбом и огромными, совсем молодыми черными глазами, притягивало к себе взгляд. Одетая она была в фиолетовую потрепанную вязаную кофту и длинную цветастую юбку, из-под которой виднелись черно-белые, выдавшие виды, кеды. Пальцы ее правой руки, которой она упиралась на красный старомодный зонт, были унизаны множеством перстней с крупными разноцветными камнями. В левой она сжимала измятую потухшую папиросу, воняющую дешевым куревом [18, с. 236].

Перед читателем предстает странный, но не пугающий персонаж, такое воплощение Смерти вызывает скорее улыбку и отчасти заинтересованность, чем чувство страха. Примечательно, что облик смерти в произведении А. Ульянова включает некоторые элементы традиционной культуры: «худощавая поджарая старушка» как вариант костлявости, характерной для славянского образа Смерти; «выразительное скуластое лицо, с большим высоким лбом» как аналог черепа; «красный старомодный зонт», отдаленно напоминающий окровавленную косу; «фиолетовая потрепанная вязаная кофта и длинная цветастая юбка» заменяют традиционный белый или черный балахон. Полагаем, что цветовой диапазон одежды посетительницы морга «продиктован» спецификой работы автора: белое и черное в медицине встречается редко, но фиолетовый и многие другие цвета являются признаком нездоровья и распада (гангрена, процесс нагноения и т. д.). Отчасти укладывается в традиционное представление и обувь Смерти: «черно-белые, выдавшие виды, кеды» представляют собой аналог босых ног скелета, где кости белые, а отсутствие плоти – черная пустота. «Молодые черные глаза, притягивающие к себе взгляд» также отсылают читателя к традиционному образу смерти: пустые глазницы черепа наполнены тьмой, в некоторых верованиях существует запрет на прямой взгляд в глаза смерти (путешествие Инанны, героини шумерских мифов, в «страну, откуда нет возврата», обращающий в камень взгляд горгоны Медузы, смертоносный взор Вия и т. д.). Примечательно, что и многочисленные кольца связаны со Смертью: полагаем, они символизируют вдовство, т. к. многие люди после потери спутника жизни продолжают носить обручальное кольцо, перемещая его с правой руки на левую. Остальные детали (цвет волос, папироса и пр.) приземляют образ мифологического существа. Возможно, это объясняется тем, что герой, сталкивающийся со смертью каждый день, утратил остроту ее восприятия. Похожее изображение смерти видим в фантасти-

ческом романе Д. Емеца, жанр которого обозначен как «хулиганское фэнтези»:

Наружная дверь скрипнула. В приемную, *что-то бубня себе под нос*, вошла старушенция. На плече у нее болтался *здоровенный, выдавший виды рюкзак*, в который можно было упрятать целую дивизию. В руке она держала *зачехленную косу*...

– ...Давай, что ль, знакомы будем! Я Аида Плаховна Мамзелькина. У тебя визитка есть?

– Нету, – сказал Мефодий.

Старушенция похлопала себя по карманам. *В одном кармане звякнула бутылка, из другого выкатилась автоматная пуля.*

– Плохо работаешь, друг Мефодий! И у меня, представляешь, нету. Все раздала. *Дура я, труха могильная*... Несла тут с утречка одного – мы с ним все визитками менялись. Он мне – я ему. Так без визиток и осталась. Прикольный мужик, вот только с друзьями не повезло. Товарищичи из другого коллектива в его «мерс» бомбу подложили. Он дорогой все интересовался: какая отсидка во мраке будет, кто бугор и что хавать дают.

Мефодий с тревогой покосился на косу.

– Вы... вы *Смерть*? – спросил он.

– Есть маленько! Нынче, чтоб народец шибко не пугался, я по-другому называюсь. «*Старшой менажер некроотдела*!» – с удовольствием выговорила Аида Плаховна [7, с. 206].

Описание Смерти здесь подчеркнута снижено, хотя и традиционно. Перед читателями предстает бомжеватого вида старушка, которая любит выпить медовухи, внешне простоватая и гордящаяся остро современным именованием ее должности. Однако в других эпизодах у нее «прорезается» острый взгляд, которым она награждает собеседника, предупреждая, что ее косу трогать не нужно, т. к. она у нее «без воображения». При этом Аида Плаховна (по имени-отчеству которой можно многое понять) недвусмысленно предупреждает, что она может легко ошибиться с кандидатом на уход из жизни, а отчетность затем подправить. Таким образом, наблюдается сплав противоречивых представлений о смерти как антропоморфного существа: с одной стороны, ее боятся, с ней стараются быть осторожны, воспринимая как коварного врага; с другой – над ней пытаются посмеяться (например, в бурлескных интерпретациях данного образа).

Отметим, что в традиционных культурах существуют сюжеты, в которых герой вступает в единоборство со смертью. Так, в русской народной сказке «Солдат и смерть» герой сначала пытается с ней договориться:

Вот шел и шел он так долгонько... Вдруг повстречалась с ним старуха, такая худая да страш-

ная, несет полную котомочку ножей, да пил, да разных топориков, а кошой подпирается... Смерть (это была она) и говорит:

– Я послана господом взять у тебя душу!

Герой начинает просить отсрочки: три года, потом три месяца, три недели, три дня, но все бесполезно: – *Не дам тебе и на три минуты, – сказала смерть, махнула косой и умолила солдата* [14, с. 447]. Однако в русских сказках отчетливо выражена мысль о том, что со смертью можно бороться, причем довольно успешно: ловкий герой частенько одерживает над нею верх, как и в данной сказке. Героиня венгерской сказки «Старуха и смерть», которая также хочет всеми силами отсрочить день своей кончины, вначале пытается просто договориться со Смертью:

Но однажды Смерть вывела на дверях мелком и старухино имя и постучалась к старухе, чтобы забрать ее с собой. А старухе невольно было расстаться с хозяйством, и стала она Смерть просить-умолять, чтобы еще хоть сколько-нибудь не трогала, дала бы ей Смерть хоть немного, если уж не с десяток лет, то хотя бы годик еще пожить. Смерть никак не соглашалась. А потом все-таки расщедрилась:

– Ладно уж, дам тебе три часа.

– Куда ж так мало, – взмолилась старуха. – Ты меня хоть нынче не трогай, завтра забери с собой.

– И не проси! – сказала Смерть.

– А все-таки!

– Никак нельзя.

– Да полно!

– Ладно, – сказала Смерть. – Коли так просишь, пусть будет по-твоему.

А старуха обрадовалась, но виду не подает и говорит:

– Еще о чем я хотела тебя попросить... Ты вот напиши на дверях, что до завтра не придешь. Тогда, как увижу твою руку на двери, спокойнее буду.

Надоели Смерти старухины причуды, да и времени не хотелось зря терять. Вытащила она мелок из кармана да на дверях им написала: «Завтра».

И пошла по своим делам [8, с. 446].

Впоследствии, ссылаясь на эту надпись, старухе удается убедить Смерть в том, что она должна прийти позже. А когда той надоедает ждать и она стирает надпись, старухе удается напугать Смерть так, что та *в страхе убежала прочь из старухино дома; кто его знает, может быть, и до сих пор не приходила за старухой* [Там же]. Смерть как некое существо, с которым можно бороться и даже вступать в переговоры, встречаем в произведении Т. Соломатиной. При этом для автора смерть не столько враг, противник, сколько то, что

расставляет приоритеты и дает возможность примирения с реальными соперниками, наполняет жизнь яркими красками:

... с анестезиологом... хохочете и хлопаете друг друга по плечам, хотя не очень-то симпатизируете друг другу. Но буквально только что – полчаса назад – вы спасли Жизнь. Вернее, уговорили Смерть не торопиться. Убедили ее в том, что вызов – ложный и даже заплатили неустойку. Кусочком своей Жизни. Своих жизней. И так глупы и мелки становятся ваши сиюминутные дрязги, ваши гневные обвинения на пятиминутках в адрес друг друга [16, с. 36].

Здесь традиционное противопоставление Жизни и Смерти влияет и на определение результатов профессиональной деятельности медицинских работников: не столько «спасли жизнь», сколько «уговорили Смерть не торопиться», тем самым лишь отсрочив неизбежное. Тесная связь Смерти и Жизни проявляется и в некоторых описаниях жилища Смерти.

В разных культурных традициях по-разному описываются пристанище и деятельность смерти. Так, в славянских сказаниях смерть обитает в подземном мире, у нее есть большой собственный дом, где горит несметное количество свечей (см. мотивационный ряд 1.5), каждая из которых – чья-то жизнь. У тех, чья жизнь только началась, свечи едва обгорели, у тех, кто находится в середине жизненного пути, свечи сгорели наполовину, у тех, кто должен скоро умереть, остались одни еле теплящиеся огарки. Как только свеча гаснет, человек умирает. Смерть убирает догоревшую свечу, а на ее место ставит новую – для только что рожденного человека [10, с. 386]. В сказке Андерсена «История одной матери» Смерть называет себя «садовником Бога» (см. мотивационный ряд 1.7), исполнителем его воли:

«Я... беру его цветы и деревья и пересаживаю их в великий райский сад, в неведомую страну, но как они там растут, что делается в том саду – об этом я не смею сказать тебе!». И действительно, Смерть здесь не зажигает свечи, она «приглядывает» за растениями. «Потом она вошла в огромную теплицу Смерти, где росли вперемежку цветы и деревья; здесь цвели под стеклянными колпаками нежные гиацинты, там росли большие, пышные пионы, тут – водяные растения, одни свежие и здоровые, другие – полузахашие, обвитые водяными змеями, стиснутые клещами черных раков. Были здесь и великолепные пальмы, и дубы, и платаны; росли и петрушка, и душистый тмин. У каждого дерева, у каждого цветка было свое имя; каждый цветок, каждое деревцо были человеческою жизнью, а сами-то люди были разбросаны по всему свету: кто

жил в Китае, кто в Гренландии, кто где. Попадались тут и большие деревья, росшие в маленьких горшках; им было страшно тесно, и горшки чуть-чуть не лопались; зато было много и маленьких, жалких цветочков, росших в черноземе и обложенных мхом, за ними, как видно, заботливо ухаживали, лелеяли их. Несчастливая мать наклонялась ко всякому, даже самому маленькому, цветочку, прислушиваясь к биению его сердечка, и среди миллионов узнала сердце своего ребенка! [1, с. 118].

Описание места постоянного обитания и/или отдыха смерти в произведениях врачей несколько отличается от традиционного. Описание места постоянного обитания в анализируемых произведениях врачей не встречается. Смерть в медицине вездесуща, она всегда рядом и нигде. Полагаем, это объясняется тем, что встреча со смертью представляет собой некоторое пограничное состояние, отличительная особенность которого «состоит в том, что каждая ее точка принадлежит одновременно двум разделяемым сферам, а она сама из разделяющей превращается в разделяюще-объединяющую, в медиатора. Пребывание на такой границе носит характер амбивалентного состояния “присутствия-отсутствия”, “реально-ирреального”, “чужого-своего”, “двойного бытия” и т. п. <...> Эти промежуточные состояния часто возводятся в ранг единственного состояния мира, они не предполагают “перехода” (см. мотивационный ряд 1.6) к состояниям четким и определенным. Они – не переход в равно реальное, а зона, которая позволяет соприкоснуться с “вечностью”, с “запредельным”» [20, с. 275]. Потому, полагаем, эмоциональная дистанцированность героя-врача вызвана описанным состоянием одновременного «присутствия-отсутствия», а зона «соприкосновения с вечным и запредельным» объясняется вне/всевременным и вне/всепространственным определением смерти в языковой картине мира медицинских работников.

Герой А. Ульянова утверждает, что *смерть ничего не знает о нормированном рабочем дне, о тридцати календарных днях отпуска и выходных. Да и на государственные праздники ей совершенно наплевать. И уж если она заявится с визитом, в компании парочки своих, еще теплых, неофитов – кто-то из живых должен ее радушно встретить* [18, с. 57]. Включенность смерти в цикл работы государственной машины, но уже в более реальном метонимическом образе (см. мотивационный ряд 2.3), что, впрочем, вполне отвечает типовым представлениям о враче, находим и в произведении А. Бурова:

Два разнополых гоблина бродили по квартире и удивлялись: – Вроде вчера встретили Новый год вместе, ну посидели, легли спать, да, как обычно, часов в восемь вечера, все живы были. А утром встали, они за столом сидят, не ложились, что ли? Пришлось врачу «Скорой» *заполнять восемь карт вызова и восемь направлений в морг*. Демографическая коррекция в городе была проведена с блеском [4, с. 32–33].

Целям эвфемизации могут служить: 1) персонификация смерти, ср.: *...за плечом у тебя стоит смерть и неторопливо ждет, пока тебе наскучит эта битва за жизнь... или пока ей наскучит смотреть...* [22, с. 75]. В славянской культуре «посещение Смерти не всегда означает кончину человека – если Смерть, придя к больному, стоит у него в ногах, он выздоровеет, если в головах – умрет» [10, с. 295]; 2) типовой образ потери (ср. мед. *потерять пациента*) и как вариант – «отпускания», ср.: *Ты врач. Ты печатаешься в Европе, делаешь хорошие операции. Но запомни на всю оставшуюся жизнь: ты будешь их оперировать, а они будут умирать. Ты будешь все делать правильно, а они будут кровить. Ты назначишь все правильно, по протоколам, а они не среагируют на твоё лечение. В одном случае из тысячи ты ничего не сможешь сделать. Учись отпускать их* [6, с. 70].

Отметим, что деятельность смерти в художественных произведениях медицинских работников часто описывается с помощью анатомической детализации (т. е. метонимически, см. мотивационную систему 2), например: 1) патологического процесса (*Оно* (кровотечение. – Е.А., Ю.Ф.) *всегда пытается унести чью-то жизнь, а мы всегда против* [22, с. 72]; 2) агонии (*Агония – не самое приятное зрелище. Агония молоденькой девчушки мучительна и не похожа на заслуженное увядание старости, где смерть не приговор, но лишь закономерный результат. Тело не хочет умирать никогда, как бы того ни желал сам человек и что бы он для этого ни делал* [16, с. 91]).

В заключение отметим, что размышления о смерти так или иначе встречаются в культуре каждого народа, в творчестве каждого писателя, и все авторы находят свои слова для описания этого этапа жизни. При этом отношение к смерти, бесспорно, базируется на культурных и религиозных традициях, потому что «смерть не может рассматриваться вне религиозного контекста. И отрицание этого факта грозит колоссальными заблуждениями, редукцией смерти до факта биографии, социальной проблемы...» [13, с. 116]. Однако эти уста-

новки корректируются жизненным и профессиональным (в нашем случае – учебным) опытом, имеют отношение к формированию личности, становятся ее частью. Как показано выше, любой из практически необозримого числа образов смерти может найти место в смоделированной нами мотивационной системе, полное описание которой в специальной литературе пока что, к сожалению, отсутствует.

Список литературы

1. Андерсен Г.-Х. Сказки и истории: в 2 т. М., 1992. Т. 2.
2. Большой толковый медицинский словарь: в 2 т. М., 2001.
3. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: современная версия. М., 2003.
4. Булгаров В.С., Ляшенко И.В. Образ смерти в западноевропейском искусстве XIV–XVI веках [Электронный ресурс] // *Univsum: Филология и искусствоведение*. 2019. № 3(60). URL: <http://7univsum.com/ru/philology/archive/item/7054> (дата обращения: 06.03.2021).
5. Буров А. (Фунус Фестус). Тук-тук, это хирург! Записки из реальной курилки. М., 2013.
6. Диланян О.Э. Уролога.net. М., 2012.
7. Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Маг полуночи. М., 2004.
8. Золотая ладья. Сказки и легенды с лазурной Адриатики. М.; СПб., 1993.
9. Ковальчук Е.Г. Концепт «смерть» в поэзии В. Высоцкого // *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов, 2003. С. 128–136.
10. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М., 2003.
11. Лотман Ю.М. Смерть как проблема сюжета // *Лотман Ю.М. и тартуско-московская семиотическая школа*. М., 1994. С. 417–430.
12. Осипова А.А. Концепт «Смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В.П. Астафьева 1980–1990-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
13. Рогозин Д. Социология смерти // *Отечественные записки*. 2013. № 5. С. 109–118.
14. Русские народные сказки. М., 1985.
15. Смерть // *Словарь русского языка: в 4 т.* М., 1999. Т. 4. С. 152.
16. Соломатина Т. Акушер-Ха!: сборник повестей и рассказов. М., 2013.
17. Соломатина Т. Приемный покой. М., 2011.
18. Ульянов А. Записки санитаря морга. М., 2013.
19. Умный маленький поросенок. Венгерские и румынские сказки. М.; СПб., 1994.
20. Фарино Е. Введение в литературоведение. М., 2004.
21. Федорова М.М. Образ смерти в западноевропейской культуре [Электронный ресурс] // *Человек*. 1991. № 5. URL: <http://www.aquarun.ru/psih/smert/smert2.html> (дата обращения: 06.03.2021).
22. Цепов Д.С. Держите ножки крестиком, или Русские байки английского акушера. М.; СПб, 2013.

* * *

1. Andersen G.-H. Skazki i istorii: v 2 t. M., 1992. T. 2.

2. Bol'shoj tolkovyj medicinskij slovar': v 2 t. M., 2001.

3. Brokgauz F.A., Efron I.A. Enciklopedicheskij slovar': sovremennaya versiya. M., 2003.

4. Bulgarov V.S., Lyashenko I.V. Obraz smerti v zapadnoevropejskom iskusstve XIV–XVI vekah [Elektronnyj resurs] // *Univsum: Filologiya i iskusstvovedenie*. 2019. № 3(60). URL: <http://7univsum.com/ru/philology/archive/item/7054> (data obrashcheniya: 06.03.2021).

5. Burov A. (Funus Festus). Tuk-tuk, eto hirurg! Zapiski iz real'noj kurilki. M., 2013.

6. Dilanyan O.E. Urologa.net. M., 2012.

7. Emec D.A. Mefodij Buslaev. Mag polunochi. M., 2004.

8. Zolotaya lad'ya. Skazki i legendy s lazurnoj Adriatiki. M.; SPb., 1993.

9. Koval'chuk E.G. Koncept «smert'» v poezii V. Vysockogo // *Problemy rechevoj kommunikacii*. Saratov, 2003. S. 128–136.

10. Levkievskaya E.E. Mify russkogo naroda. M., 2003.

11. Lotman Yu.M. Smert' kak problema syuzheta // *Lotman Yu.M. i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola*. M., 1994. S. 417–430.

12. Osipova A.A. Koncept «Smert'» v russkoj yazykovoj kartine mira i ego verbalizaciya v tvorcestve V.P. Astaf'eva 1980–1990-h gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2005.

13. Rogozin D. Sociologiya smerti // *Otechestvennye zapiski*. 2013. № 5. S. 109–118.

14. Russkie narodnye skazki. M., 1985.

15. Smert' // *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* M., 1999. T. 4. S. 152.

16. Solomatina T. Akusher-Ha!: sbornik povestej i rasskazov. M., 2013.

17. Solomatina T. Priemnyj pokoj. M., 2011.

18. Ul'yanov A. Zapiski sanitara morga. M., 2013.

19. Umnyj malen'kij porosenochek. Vengerskie i rumynskie skazki. M.; SPb., 1994.

20. Farino E. Vvedenie v literaturovedenie. M., 2004.

21. Fedorova M.M. Obraz smerti v zapadnoevropejskoj kul'ture [Elektronnyj resurs] // *Chelovek*. 1991. № 5. URL: <http://www.aquarun.ru/psih/smert/smert2.html> (data obrashcheniya: 06.03.2021).

22. Cepov D.S. Derzhite nozhki krestikom, ili Russkie bajki anglijskogo akushera. M.; SPb, 2013.

Concept “death” in the language world picture of a doctor: traditions and professional specific character

The article deals with the imagination of death developed in the Russian culture. On its basis there is analyzed the vision of the death by doctors, reflected in the fictional works, the authors of which are doctors. The authors analyze the means of the verbalization of the concept “death” in literature and folklore.

Key words: *concept, national language world picture, linguistic and cultural approach.*

(Статья поступила в редакцию 17.03.2021)

О.А. КАЛАШНИКОВА, А.В. САМОЙЛОВА
(Краснодар)

**ВОЕННО-НАУЧНЫЙ ТЕКСТ
КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА**

Военно-научный текст – объект лингвистического анализа переводчика – определяется как разновидность текста военно-научного подстиля с характерными жанровыми, языковыми и стилистическими признаками. Уточняются жанры письменных текстов по теме военной авиации. На материале аналитической статьи подробно анализируются лексические, грамматические и стилистические особенности военно-научного текста.

Ключевые слова: *военно-научный текст, жанр, аналитическая статья.*

Одним из важных направлений деятельности военного переводчика является работа с иноязычной научной литературой. Высокий уровень технологической оснащенности вооруженных сил и интенсивность научных исследований, направленных на их совершенствование, требуют от переводчика профессиональной компетенции, связанной с поиском, подбором, аналитической обработкой и переводом текстов из открытых источников для получения информации о современном состоянии и перспективах развития военной науки,

техники и вооружения ведущих стран мира. Знание типологических особенностей текстов военно-научной направленности и владение практическими навыками их применения во многом могут способствовать формированию профессиональной компетенции переводчика и повышению эффективности переводческой деятельности в целом. Данный вид компетенции имеет комплексную структуру, одним из компонентов которой является лингвистическая компетенция. Под последней понимаются «знания о языковой системе иностранного языка для военных целей, языковой материал, практические навыки его использования в переводческой деятельности» [8, с. 55].

Актуальность исследования объясняется важностью изучения лингвистических особенностей военно-научного текста как средства получения профессиональных знаний переводчика, недостаточной разработанностью данной темы в теоретическом и практическом плане, необходимостью описания жанровых и функциональных особенностей данной категории текстов с целью разработки методики обучения переводу.

Цель данной статьи – описать военно-научный текст как объект лингвистического анализа на материале аналитической статьи по авиационной специальности. Для достижения этой цели следует решить следующие задачи:

- 1) конкретизировать понятие военно-научного текста;
- 2) определить жанры военно-научных текстов в сфере письменной коммуникации авиационного профиля;
- 3) описать жанровые и лингвистические особенности аналитической статьи как жанра военно-научного текста.

Обзор научной литературы свидетельствует о комплексном характере рассматриваемой проблемы и необходимости ее исследования с точки зрения смежных наук: лингвистики, теории дискурса, переводоведения, методики обучения языку. Анализ научных исследований показывает, что большинство работ преимущественно посвящено изучению лингвистического аспекта научного текста или научного стиля речи. С позиции лингвистической теории научный текст рассматривался в работах М.П. Арнольд [1], И.В. Брандеса [2], Р.И. Гальперина [5], Т.Л. Владимировой [3], Н.М. Кожинной [12], Л.Б. Волковой, В.В. Химик [13], Е.И. Мотиной [16]. Описание основных категорий научного текста представле-